

Анна Стреминская

«Там проживаю я...»

* * *

Я притаилась здесь, на этой планете,
в этой вселенной, пульсирующей,
как сердце.

В этой вселенной есть улица горше
смерти.

Там проживаю я – больше некуда
деться.

В этой вселенной я на любимом диване,
с книгой в руках, если выйти во двор –
палисадник.

А в палисаднике маленький есть
виноградник.

Выйдешь во двор – все в зимней стоит
нирване.

Рядом со мной рыжий кот – такой же, как я,
подкидыш

в этой вселенной, в земных временах
и странах.

С ним посидишь, ну а после из дома
выйдешь.

То, что увидишь, – покажется очень
странным.

Что вижу я – образ Божий в альтфатер
лезет,

рядом товарищ на облаке снега пенном.

Мне ничего не понятно на странной моей
 планете,
в этой вселенной – страннейшей из всех
 вселенных!

Сестра Золушки

Вы знаете все обо мне и сестре,
но сказка, как правило, врет!
Я тоже любила, но в этой игре
расписано все наперед.

Я видела принца – прекрасней его
не встретить нигде, никого.
Но принц – он достанется –
 вот моя боль! –
Той, что лучшую выбрала роль.

А с рожей такой и с ножицей такой
кому я нужна, Боже мой!
Неряха и дура – пристало само
проклятое это клеймо!

Я, может, уродина, может, я злюка,
но я не глупа, как маман.
И жизни холодную злую науку
я все ж изучила сама.

И маленькой ножкой, и личиком нежным,
как правило, тот награжден,
кого любит Бог, – счастье их неизбежно.
Кто избран – тот не побежден!

Я ведаю все, что со мною случится.
Есть два у девицы пути:
остаться одной, как другая сестрица,
иль за дровосека пойти.

Дорога моя не для туфель хрустальных.
Сабо мои будто гробы!
Другие кружатся пусть в платьицах
бальных.
В плену я проклятой судьбы!

* * *

«Мир – это театр», – сказал поэт,
но мир не театр, а тир!
Откуда бархат и мягкий свет?
Есть только мишеней пир.

Пируют мишени, земных сластей
спеша наестся скорей.
Мишени из царства больших мышей,
из царства ручных зверей.

И каждая быть боится одной,
спешит к подобной себе.
Но нет ковчега, где праведный Ной
доверился Божьей судьбе.

Вот вместо ковчега «Титаник» плывет,
а вот самолетик летит.
Вот поезд метро машинист ведет,
в котором едет шахид.

И чей-то очень пристальный взгляд
нацелен... И чья-то тень...
Тебе повезло? Не попали в тебя?
Иди в театр, мишень!

* * *

Тихий сухой пролистала я день, как том.
Сказаны были серебряные слова...

День растворился в молчании золотом,
только лишь ветер был слышен едва-едва.

Сотни желтеющих писем неслись, спеша
все к своим адресатам, в свои углы.
И на каждом следы от небесного карандаша,
и видны были: почерк Бога, печать золы.

Хочет всегда говорить природа, ее слова –
нервные жесты глухонемых, что узрим везде.
Я – переводчик, полна моя голова
слов и транскрипций, понятных воде, звезде.

Тихий сухой золотистый струился день,
будто бы день Египта, где правит Ра.
Игры свои затевала с утра светотень...
Что же важней, чем божественная игра?

Все в равновесии было – земля и тишь,
будто незримо качались, скрипя, весы.
Не было ритмов, и мерили время лишь
то ли песочные, то ли солнечные часы.

